

Это было всего лишь маленькое событие за те три месяца, и, возможно, даже сам Цзян Юньди уже забыл о нём. Однако Е Фаньсин, склонившись над пультом управления, тихо рассмеялся. Его изумрудно-зелёные глаза устало опустились, но внезапный толчок заставил его сесть и с удивлением оглянуться. Оказалось, что меха из Галактики Сывэй оттолкнули его, спасая от атаки.

Е Фаньсин догадался, кто внутри. Он однажды помог Бицзи, и теперь их счёт был равным. В режиме реального времени голос Цзян Юньди донёсся сквозь связь, звуча настолько мягко, будто это был не поле боя, а летний пляж:

— Возвращайся, всё закончилось.

Вернувшись на Имперскую столицу, он спрыгнул с меха. Цзян Юньди тоже только что вышел из своего механизма, произнося речь для поднятия боевого духа. Е Фаньсин подбежал сзади и обнял его за плечи.

Цзян Юньди слегка улыбнулся, повернувшись к нему, и тихо рассмеялся, словно ощущая его дыхание, смешанное с запахом пороха и дыма. Они были влюблены с подросткового возраста, хотя это была не самая подходящая любовь. Никто никогда не признавал её открыто, но все знали, как открытую тайну.

Солдаты дружелюбно засмеялись, видя эту любовь, скрытую под маской дружбы. Никто не стал разоблачать их. Возможно, после войны это станет известным, и люди будут говорить об этом, чтобы исцелить раны послевоенного времени.

Цзян Юньди повернулся и крепко обнял Е Фаньсина, прошептал:

— Только что в меха я вспомнил кое-что.

— Что? — Е Фаньсин надеялся, что они думают об одном и том же, о тех знаках на меха, о том неловком поцелуе, который лучше вспомнить наедине.

Заметив его мысли, Цзян Юньди улыбнулся и сказал:

— Вспомнил, как тебя избили на первом занятии по меха, и как я тебя тогда спас.

Е Фаньсин с безразличным видом отпустил его, вся нежность мгновенно исчезла. Они отошли от толпы и сели на пустынном поле. Е Фаньсин думал о том, что шкала прогресса почти заполнена, и снова начал сомневаться. Стоит ли повернуться и поцеловать его?

В следующий момент Цзян Юньди уже поцеловал его.

Премьер-министр, с тем же нежным выражением, что и в юности, тихо сказал:

— Если бы ты был маленькой деревянной куклой, я бы поставил тебя на свой пульт

управления, и когда бы скучал, мог бы взять и поцеловать.

Е Фаньсин решительно отказался:

— Если бы я каждый день был на твоём пульте, ты бы по мне не скучал. Нужно сохранять дистанцию.

Цзян Юньди лёг, потянув за собой Е Фаньсина, который всё ещё сидел прямо. Е Фаньсин перевернулся, лёг на него, и они начали смеяться, катясь по траве.

Они сцепили пальцы, глядя на закат, который окрашивал их лица в золотистый свет. Сначала они осторожно целовали друг друга в подбородок, затем перешли к шее, расстегнули рубашки. Цзян Юньди, сидя на Е Фаньсине, с серебряными волосами, рассыпавшимися по плечам, выглядел сдержанно, но с намёком на удовольствие...

Позже, поцеловавшись в реке, Е Фаньсин с улыбкой смотрел на Цзян Юньди. Тот тщательно смыл с себя явные следы, а затем внезапно брызнул водой. Е Фаньсин отшатнулся и сел в неглубокой воде, увидев на своём лице и шее следы поцелуев. Он попытался стереть их, но они только стали ярче.

— Ты это специально?

— Нет, — спокойно ответил Цзян Юньди.

— Если не специально, то как ты знаешь, о чём я говорю? — Е Фаньсин поймал его на слове. — Ты так по-детски себя ведёшь!

Цзян Юньди замолчал, а затем спросил с улыбкой:

— Я не знаю, о чём ты говоришь, разве это не так?

Е Фаньсин не нашёлся, что ответить:

— Ты просто гений!

Они вернулись на берег, оделись, и Е Фаньсин, убедившись, что следы не исчезнут, отказался возвращаться. Цзян Юньди спросил:

— У меня ничего нет, чего ты стесняешься?

Это был дешёвый приём, но он сработал. Е Фаньсин не нашёл причин, чтобы отказаться, и, посмотрев на оптический компьютер, таинственно сказал:

— Потому что нам нужно ещё кое-куда сходить.

— Уже поздно, — с сомнением сказал премьер-министр. — Ты что, будешь использовать оптический компьютер как фонарь?

— Мы успеем вернуться до восьми, — поспешил Е Фаньсин, его глаза сияли, как звёзды, а мокрые от воды золотистые волосы придавали ему юношеский вид. — Если не пойдём, больше такой возможности не будет.

— Ты уже использовал этот предлог, когда мы смотрели на снег, но ладно, пошли. — Цзян Юньди вздохнул, поднял куртку и, в конце концов, согласился.

Они оба знали, что завтра всё может измениться, и то, что можно сделать сегодня, может быть уже невозможно завтра. Будущее Крилеи было неопределённым, и тем более судьба отдельных людей.

Под светом оптического компьютера они шли рядом, Е Фаньсин время от времени указывал направление. Он шёл, заложив руки за голову, с травинкой во рту, совершенно не торопясь вернуться к восьми, что заставило Цзян Юньди усомниться, не пришло ли это ему в голову спонтанно.

Через некоторое время Цзян Юньди начал говорить:

— Помнишь, в меха я вспомнил, как ты в общежитии военного училища возился с красками. В стеклянной башне, кажется, ты что-то рисовал... — Он выглядел задумчиво.

— Тебя, веришь? — Е Фаньсин улыбнулся, его лицо всё ещё было в следах поцелуев, а улыбка излучала уверенность. — Когда вернёмся, найди в стеклянной башне, я не вру.

Цзян Юньди на мгновение задумался, а затем удовлетворённо кивнул:

— Такие вещи нужно делать чаще.

— Ты такой довольный... — начал Е Фаньсин, но был прерван вопросом Цзян Юньди:

— Принц?

— Ага, — он машинально ответил, а затем закашлялся. — Ты и это вспомнил? Ты действительно...

Цзян Юньди был ещё более ошеломлён, чем он, и долго не мог прийти в себя.

Здесь не было меча, и Е Фаньсин просто сдёрнул чёрную ленту, которой были собраны серебряные волосы Цзян Юньди. Тот схватил рассыпавшиеся волосы, рассеянно спросив:

— Что ты делаешь?

Е Фаньсин вспомнил боевые приёмы, которые ему выдала Система в прошлом мире, и в вечернем ветре сделал из ленты несколько движений, напоминающих меч. Его фигура была грациозной и изящной, он остановился неподалёку и обернулся, крича с юношеской радостью:

— Это приём с мечом с Земли!

Цзян Юньди подошёл, наблюдая, как контуры фигуры юноши становятся чётче, и тихо рассмеялся:

— Да, красиво.

В это время здание впереди начало проявляться в голубом свете оптического компьютера. Его изящный дизайн уже был виден, хотя и только частично. Остальное можно было рассмотреть, только когда глаза привыкли к темноте.

Но Цзян Юньди уже узнал его и замер на месте. Спокойный премьер-министр забыл о своих сомнениях насчёт «освещения оптическим компьютером» и включил свой миниатюрный оптический компьютер, чтобы осветить остальную часть здания.

Это была заброшенная церковь.

Они встретились в беспокойное время, их положение было не самым подходящим, и они долго тянули с любовью, только недавно осознав её. Они не могли открыто говорить об этом, и даже в объятиях среди людей это казалось великой дружбой.

Конечно, после войны люди начнут догадываться, ведь они никогда не скрывали этого. Любовь, как кашель, чем больше скрываешь, тем больше она проявляется.

— Ты был в моей юности, — тихо сказал Цзян Юньди в ночном ветре. — Мы провели прошлое Рождество вместе, хотя оно было не самым радостным. Мы видели снег и звёзды, возможно, это и есть те самые «ветер, цветы, снег и луна» из книг. Независимо от того, было ли это клятвой...

— Почему бы и нет? — с улыбкой возразил Е Фаньсин, обмотав чёрную ленту вокруг запястья и заложив руки за голову. Его изумрудные глаза сияли. — Ты думаешь, здесь нет свидетелей?

<http://bllate.org/book/15566/1385432>